в коллективе (положительный план имплицитен, подразумевается). «Повесть о Савве Грудцыне» демонстрирует читателям лишь отрицательный вариант мирской поведенческой психологии. Конфликт индивидуализма и традиционализма разрешается тем, что герой вообще уходит из мира в монастырь — перемещается в специфическую зону, где нет общественных противоречий, где мирские (социальные) отношения незначимы, а существенна (релевантна) лишь связь человека с богом. На ранней фазе трансформации сказки в роман отсутствует процесс, который бы мог сблизить полюса мирской жизни, примирить контраст между соблазном индивидуального успеха, личными страстями и социально регулируемым поведением. Вместо этого противоречия мирской жизни снимаются как таковые.

Это был бесперспективный путь. Реальные противоречия оставались в силе.

3

Из разбора «Повести о Савве Грудцыне» следует, что волшебно-сказочная структура (возникшая из архаического мифа, который в свою очередь отражал и объяснял ритуал посвящения) не потерялась в личной, книжной традиции, но послужила, по всей видимости, праосновой для особого жанрового типа прозаического повествования. Правда, еще не доказано, что «Повесть о Савве Грудцыне» — явление типовое, что она открывает собой длительную цепь литературной преемственности. Чтобы доказать это положение, нужно обратиться к контрольному ряду произведений: он будет представлен пушкинской «Капитанской дочкой».

Мы сравнительно легко можем смириться с мыслью о сказочном происхождении повести XVII в., в которой хотя и присутствуют реалистические приемы, хотя и декларирована авторская установка на историческое правдоподобие, но тем не менее средства создания реалистической иллюзии развиты еще недостаточно. Гораздо труднее поверить в сказочность романа XIX столетия, выросшего из действительного случая (приключений Шванвича) и предваренного тщательной работой писателя над историческими документами, сбором сведений у очевидцев Пугачевского восстания.

Между тем, как полагал В. Ф. Шишмарев, «каждый стиль условен по-своему, ибо он есть поэтическое выражение односторонних по необходимости эстетических отношений данной эпохи к существующему ... Правильное понимание ... (реального стиля) станет возможным, когда история отодвинет от нас памятники реализма на многовековое расстояние, на котором становятся уловимыми только наиболее высокие, определяющие общий контур точки».[72]

Ускорить ход времени нельзя, но можно попытаться самый роман переместить в прошлое, искусственно состарить его. Сказка, рассмотренная как «метаструктура» некоего типа романов и повестей, как раз и помогает изучать их сюжетный механизм таким образом, при котором научный объект оказывается отдаленным от наблюдателя. Язык описания волшебной сказки (а именно: инвентарь функций, выявленных Проппом) становится метаязыком описания романа нового времени. Тем самым формируется квазиисторическая дистанция, отодвигающая исследователя от наблюдаемого объекта, подобие того «многовекового расстояния», о ко-

---

[72] В. Ф. Шишмарев. Несколько замечаний к вопросу о средневековой лирике. В кн.: В. Ф. Шишмарев. Избранные статьи. М.—Л., 1965, стр. 182.